

1905.

Январь.

Х.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова, Невскій, 136.

1905.

**Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153.**

Празднество поминокъ на духоборскомъ кладбищѣ ¹⁾.

Праздниковъ у духоборцевъ, собственно говоря, не существуетъ; тѣмъ не менѣе нельзя не причислить къ праздникамъ ежегодныхъ поминокъ, совершаемыхъ по покойному мужу бывшей богородицы Лукерьи. Въ день поминанія во всѣхъ духоборческихъ селеніяхъ молятся объ усопшемъ, а зажиточные духоборы съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ пріѣзжаютъ въ село Горѣлое выразить соболѣзнованіе Лукерѣ о покойномъ мужѣ. Празднество это совершается въ январѣ мѣсяцѣ на духоборскомъ кладбищѣ, въ двухъ верстахъ отъ Горѣлаго, куда уже съ ранняго утра стекается народъ полюбоваться изобиліемъ закусокъ, водки и вина, выставленныхъ богородицею. Въ назначенный часъ Лукерья въ открытой бричкѣ, сопровождаемая молодцами и длинною вереницею фургоновъ съ дѣвками, бабами и ребятишками, пріѣзжала на кладбище и направлялась прямо къ могилѣ покойнаго мужа; народъ, завидѣвши ее, обнажалъ свои головы, дѣлалъ низкій поклонъ и пѣлъ встрѣчный псалмъ; затѣмъ, столпившись въ большой кругъ возлѣ могилъ: богородицы Маланыи, Василія-богородицы и Петра Калмыкова, съ умиленіемъ слушала рѣчь Лукерьи по случаю настоящаго дня. Въ своей рѣчи она проводила мысль о дѣятельности мужа и всѣхъ его предшественниковъ на пользу духоборцевъ, заклинала ихъ твердо идти по стопамъ праведниковъ и, взявши съ приготовленнаго подноса рюмку водки, провозглашала: „царствіе небесное Петру Иларіоновичу и всему благодатному дому, смѣнившему плоть“. Всѣ наперерывъ старались приблизиться къ ней и провозгласить царствіе небесное Петру Иларіоновичу, ведущему борьбу съ сатаною; начиналась обычная

¹⁾ Предлагаемые два очерка могутъ служить хорошею иллюстраціей къ характеристикѣ духоборчества, какъ секты, покоящейся на невѣжествѣ и темнотѣ русскаго люда. Стиль народной рѣчи удержанъ, но грамматическое искаженіе (по невѣжеству) словъ въ большинствѣ исправлено.

попойка и сплечиваніе; между тѣмъ, хоръ, составленный изъ лучшихъ голосовъ, пѣлъ псаломъ: „Узрѣхъ народу много,—взыди на гору“. Богородица, тронутая воспоминаніями о прошломъ, въ особенности же заявленіемъ искреннихъ чувствъ духовборцевъ, отправилась въ особенное помѣщеніе на кладбищѣ, именно: въ небольшую, чистую избу, въ срединѣ размалеванную красками и украшенную полотенцами—и тамъ, сѣвши съ приближенными за столъ, принимала различныя заявленія и спичи духовборовъ о достопамятномъ днѣ кончины Петра Иларіоновича. Въ непродолжительное время все кладбище и окрестности начинали оглашаться заунывнымъ пѣніемъ псалмовъ; изъ одного хора въ началѣ пѣвшаго образовалось уже нѣсколько и по мѣрѣ того, какъ продолжались поминки, увеличивалось и самое число псалмопѣвцевъ. Наэлектризованные водкой духовборы и духовборки еще болѣе горѣли желаніемъ видѣть Лукерью и съ особеннымъ умиленіемъ просили молодцовъ, стоящихъ возлѣ дверей поминальной избы, пропустить ихъ въ комнату.

— Я, говоритъ духовборъ, пріѣхалъ издаля, чтобы услышать слово изъ пречистыхъ устъ, насмотрѣться на Лусечку, одарить ее; вотъ тебѣ двадцать копѣекъ и бутылка портеру.

— Благодаримъ!—отвѣчалъ молодецъ. Я сейчасъ же пойду доложу, а ты пока стой тутъ, дай времячко—то другимъ выйти.

Молодецъ, войдя въ комнату и сдѣлавъ поклонъ въ поясъ, объявилъ Лукерѣ, что Василій изъ Башкичета привезъ гостинецъ и проситъ дозволенія видѣть.

— Зови!

Молодецъ повернулся и ушелъ. Василій въ полупьяномъ видѣ, ввалившись въ поминальню, палъ въ ноги богородицѣ и пропѣлъ: „ликъ дарный!“

— Слово, дѣло ликундеръ нашъ! Ну что,—всѣ у васъ живы и здоровы?

— Благодареніе Богу, всѣ братцы и сестрицы духовные посылаютъ тебѣ низкій поклонъ отъ лика твоего праведнаго до сырой земли и проносятъ вѣчную память Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть (кланяется въ ноги).

— Спасибо, что не забываютъ,—получать себѣ все отъ Господа Бога!

— Какъ можно забыть! Тамъ просто сокрушаются о тебѣ и бѣда, какъ сокрушаются! Никакъ, значить, не дождутся того часу, когда быть тебѣ въ Башкичетѣ; а что пуще всего одолѣваетъ ихъ, это твое нездоровье; намедни ужъ Настя моя плакала, плакала, едва могъ уговорить ее; я ужъ такъ и саякъ,—потомъ, на-

конецъ, говорю ей: Богъ милостивъ, пока наши молитвы Господь принимаетъ, быть ей на вѣкъ живой!

— Стало быть никто, какъ Господь!.. слышались голоса, и духоворки, поднявъ свои руки, начали утирать слезы.

Притворныя слезы бабъ и тяжелые вздохи стариковъ были нарушены крикомъ, произведеннымъ въ дверяхъ. — Вотъ тебѣ, кричитъ баба, коробка сардинокъ и пятьдесятъ копѣекъ, — пропусти! Скажи, дескать, Агафья съ Караклиса пришла съ гостинцемъ и поклономъ. — Стой, закричалъ молодецъ, — вишь, какъ расходилась, дай другимъ то выйти, и такъ некуда дѣваться, народу вся изба какъ есть полна! — Пропусти ее! слышались голоса. — Подождетъ еще, тутъ напредъ ее стоятъ! — Пропусти, повторяла неотвязчивая Агафья, ты видишь, что народъ просить, — значить, акромъ гостинца дѣло есть.

— Впусти ее! раздались опять голоса. — Какъ ты не возьмешь себѣ на умъ, что она здорово поетъ, всѣхъ псалмопѣвцевъ за поясъ заткнетъ! — Пропущу, только не налегайте такъ здорово, истинно прошу васъ. Стой, Агафья! Сейчасъ пойду доложу Лучечкѣ. — Ну, спаси тебѣ Господи!

Молодецъ, войдя въ комнату, доложилъ, что пришла съ Караклиса Агафья, — „значить поетъ то хорошо!“ — Какъ не знать, — знаю, зови сюда!..

Молодецъ торопливо повернулся и хотѣлъ идти, но богородица, остановивши его, просила выпить стаканъ водки. — Помяни Петра Иларіоновича!.. скороговоркой произнесла Лукерья и, наливъ стаканъ водки, поднесла. Молодецъ выпилъ, пожелалъ вѣчной памяти и немедленно вышелъ; онъ слишкомъ былъ озабоченъ обязанностью своей — собирать приношенія и никого не впускать безъ гостинца и предварительнаго о томъ доклада.

— Славенъ Богъ прославился, — проговорила вшедшая Агафья и, сдѣлавъ поклонъ въ поясъ, поцѣловала руку богородицы.

— „Велико имя Господне по всей землѣ!“! Ну что, всѣ у васъ живы и здоровы?

— Господь милостивъ! Всѣ братцы и сестрицы посылаютъ нѣжающій поклонъ. Никакъ тебя не дождутся; сказать одно слово, — очень желательно видѣть! Собирались извѣстіе послать и гостинецъ; коли еще не получила, такъ вотъ того и жди. Палагея и Степанида полотенца приготовили и такія то чудныя, я ужъ любовалась, любовалась! Какъ есть до половины вышиты звѣздами, а на концахъ, надъ самыми значить кружевами, по двѣ бабочки, величиною, сказать, въ настоящую ладонь...

Ужъ этакія мастерицы! — въ похвалу имъ будетъ сказано.

Много видѣла полотенцевъ на свою жизнь, но этакихъ не славалось...

— Небось бѣдненькія трудились и умудрялись; ну, спаси ихъ Господи! Получать себѣ по заслугамъ, не оставитъ ихъ Господь Богъ небесный!

— Ну и въ правду! Палагея себѣ руки наколола, — я сама, значить, видѣла, какъ она умудрялась надъ этими бабочками: какъ ни на—есть, а все надо пригнать: какъ глаза, какъ крылушки, какъ усы и лапочки, все это копотно, да ктомуужъ боится испортить: разъ соревнованіе большое, другое упованіе.

— А сказано: труды есть другъ Господній! Да что, никакъ Вася до сихъ поръ не помянулъ Петра Иларіоновича?—зашумѣли старики. Чтожъ ты, Акулина, не подносишь?

Акулина, ключница Лукерья, наливъ два стакана водки, присла гостей откушать. Василій, взявши стаканъ, подошелъ къ богородицѣ и обратился съ слѣдующею рѣчью: „Царство небесное Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть; тебѣ, Лушечка, сокрушаться нечего: онъ здѣсь,—вотъ, вотъ возлѣ насъ; но мы его не видимъ; духъ его вездѣ и наиболѣе возлѣ любящихъ и вѣрующихъ въ него; вотъ того и смотри, гласъ и молнія со блистаніемъ объявляются, небеса развернутся, и мы предъ нимъ предстанемъ! Скажемъ ему одно слово: вѣчная память, вѣчная память“.

— А ты что же, Агафьюшка? заговорили старики.—Откушай-ка стаканчикъ и помяни блаженной памяти Петра Иларіоновича, снишедшаго одолѣть врата адовы.

— Царствіе небесное Петру Иларіоновичу, снишедшему одолѣть врата адовы!

Сказано, явится Давидъ новый и быть этому, а ты, Лушечка, не журись,—у тебѣ вонъ и такъ-то глаза попухли, словно кто нарочно сдѣлалъ; и сама-то не въ порядкѣ,—видно заботы одолѣваютъ за грѣхи наши. Не то времячко, все ближе и ближе къ концу подходить. Кабы Господь далъ скорѣй-то съ нимъ свидѣться! Вѣчная ему память!

Агафья, выпивши стаканъ, низко поклонилась и раздражающимъ душу голосомъ затянула псаломъ: „Чудная владычица богородица, держава морская; быть утру, быть вечеру, быть человѣчку, младому, быть старому“.

Всѣ сидящіе подхватили и началось всеобщее пѣніе, во время котораго Акулина подносила по очереди—кому стаканъ водки, кому стаканъ вина; каждый разъ духовоборецъ, взявши стаканъ въ руки, произносилъ: „вѣчная память Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть и помяни Господи кротость праведнаго Давида“.

Въ то время, когда Агафья старалась всѣхъ перекричать своимъ пронзительнымъ голосомъ и когда псаломѣвцы были въ самомъ сильномъ ударѣ продолжать безъ конца пѣніе, неожиданно явился, въ сопровожденіи молодца, духоборъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокаго роста, широкоплечій, съ открытымъ продолговатымъ лицомъ и нѣсколько выдающимся бритымъ подбородкомъ, карими глазами, длиннымъ носомъ, темнорусыми волосами, стриженными подъ гребенку, и небольшими усами. Одѣтъ былъ, какъ вообще одѣваются духоборы въ воскресные дни: синія суконныя панталоны, заправленные въ длинные до колѣн сапоги, короткая куртка того же сукна на растежку; жилетъ изъ чернаго сукна, на которомъ петли обмотаны шелками различныхъ цвѣтовъ и черезъ нихъ пропущены бѣлой жести пуговички въ одинъ рядъ; вмѣсто галстука красный небольшой платочекъ. Духоборъ этотъ былъ посланный съ письмомъ изъ селенія Башкичетъ. Подойдя къ богородицѣ, онъ палъ въ ноги и вставши вручилъ письмо. Лукерья подала знакъ прекратить пѣніе, и оно тутъ-же прекратилось, возстановилась тишина и только шопотомъ между собою говорили духоборы: „гляди-ка, никакъ Тимоня изъ Башкичета пріѣхалъ!“—Да, онъ же и есть!.. раздались голоса.—Нутка, посмотримъ, что новенькаго привезъ!.. Навѣрное—гостинецъ... Ну ужъ не безъ того,—безъ гостинца какая же ѣзда по эвтакой дорогѣ, къ тому же и день такой!“

Когда все совершенно умолкло, Тимоѳей, откашлявшись нѣсколько разъ, громко произнесъ: „Башкичетскіе посылаютъ тебѣ, Лушечка, и всѣмъ братцамъ и сестрицамъ, обитающимъ въ святомъ градѣ Іерусалимѣ при престолѣ Царя небесъ, низажущій поклонъ и произносятъ вѣчную память Петру Иларіоновичу и всему дому благодатному, смѣнившему плоть!“

— Спаси ихъ, Господи,—заговорили всѣ присутствующіе.

— Ну, благодарю, что не забываютъ!—произнесла Лукерья.

— Какъ же можно забыть,—тамъ, значитъ, такое соболѣзнованіе, уму непостижимо! Нашихъ много собиралось, да разъ по года помѣшала, а другое далеко и не безопасно; надясь Митька Синяевъ выѣхалъ утромъ съ тѣмъ, чтобы вернуться, да вотъ уже другая недѣля пошла какъ нѣту,—должно быть татарва проклятая уложила; а такой ловкій парень былъ, что просто чудо!.. И всего то годъ, какъ Господь благословилъ на помыслы благіе и дѣло вѣчнаго блаженства.

— Какая оказія! Одно слово татарва, другому некому, сказано антихристское воинство... и когда ему будетъ конецъ!.. зашумѣли духоборы; вѣдь сколько она погубила праведныхъ душъ!—

и году не пройдетъ безъ того, чтобы казніи не случилось. Что ты будешь дѣлать! Вотъ тебѣ и приставъ тамъ же сидитъ и никакъ милиція!.. Богородица, передавая письма своему постоянному секретарю, чрезъ посредство котораго ведетъ переписку съ ея дикта, произнесла: „Игнатъ, прочти это письмо! Посмотримъ, что наши Башкичетскіе пишутъ, а я ужъ на нихъ собиралась“. Игнатъ всталъ, развернулъ письмо и, откашлявшись нѣсколько разъ, хотѣлъ было читать, ужъ успѣлъ сказать, „въ домъ благодатный“, но Лукерья остановила и просила произносить каждое слово какъ можно медленно. Игнатъ, откашлявшись еще, взявъ въ обѣ руки письмо и сказалъ: Слушайте, братцы! при этомъ обративъ вниманіе на Василю, замѣтилъ: „полно табѣ разсказывать то, день еще великъ, успѣешь!“—Ты, братъ, знай свое дѣло, а мнѣ не указывай, всякъ самъ себя!—Ой, да народъ, какъ я посмотрю!—съ досадою проговорилъ Игнатъ и опустилъ обѣ руки подъ столъ.

— Да, вотъ табѣ и народъ!—Полно Вася! зашумѣли духоворы,—сиди себѣ, коли уже не въ порядкѣ, нечего то гуторить!..

— Слушайте же! „Въ домъ благодатный, упованіе Божіе, прибѣжище Христово, Лукерья Васильевнѣ, благословенной отроковицѣ въ дщеряхъ царевыхъ другини, матери милосердія. Посылаемъ тебѣ низающій поклонъ отъ лика праведнаго до земли, а также свидѣтельствуемъ таковой же братцамъ и сестрицамъ духовнымъ. Молимъ тя принять произношеніе наше Петру Иларіоновичу и всему дому благодатному, смѣнившему плоть, вѣчной памяти. Одно слово, скорбь и печаль снѣдаютъ насъ о Божѣ почившемъ, блаженной памяти, Петрѣ Иларіоновичѣ. Онъ былъ нашъ истинный пастырь, пасущій стадо словесныхъ овецъ, свѣтило морское, кипарисъ благоуханный (богородица утираетъ глаза, плачь увеличивается), молимъ тя,—не побрезгуй принять отъ насъ гостинецъ на поминки черезъ подателя сего Тимофея“.

— Конецъ, сказалъ Игнатъ.

Тимофеей вынулъ изъ платка завернутыя въ бумагѣ деньги и передалъ Лукерьѣ.

— Спаси ихъ, Господи! Что захотятъ, то и получаютъ себѣ; не оставитъ ихъ Господь на достаточное время, нужно много только терпѣнія,—терпѣливые до конца, тѣ только спасутся!

— Одно слово терпѣніе, вѣдь сказано: не въ мочу терпѣти, бѣжите во лѣса темные, умирайте голодной смертью!

— За твое слово тебѣ все Богъ дастъ,—все дастъ, что захочешь!

— Спаси тебя, Господи! Сказано: мать милосердія, и глаголы

то вылетаютъ сладкіе, подобно пѣнію псалмовъ, падаетъ въ ноги и кланяется.

— Ну, помани же Петра Иларіоновича, да вотъ садись здѣсь поближе воалѣ меня!

Тимоѳей, прежде чѣмъ сѣсть, просилъ позволенія поздороваться съ братьями и сестрами духовными и, подойдя къ родителю Лукерьи, сплечился съ нимъ, а затѣмъ по порядку со всѣми безъ различія пола.

Всѣ присутствующіе съ особымъ вниманіемъ относились къ Тимоѳею при исполненіи сплечиванья, поцѣлуи шли горячіе и каждый не преминулъ выразить радость свою видѣть и сказать что-нибудь въ похвалу. Ты, говорилъ старикъ, — „истинный столпъ, на которомъ стояли молодые юноши, да не видѣли его“; ты, говорила чуть не прослезившаяся баба, „всѣмъ духовборамъ духовборъ,—не даромъ тебѣ говорила Лущечка, что все получишь—и быть тому!“

Тимоѳей принадлежитъ къ числу тѣхъ вожakovъ, на конхъ зиждется и поддерживается духовборческое ученіе. Онъ лукавъ, хитеръ и каждое слово свое говоритъ медленно, какъ бы обдуманно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства среди той толпы, въ которой вращается. Онъ былъ одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ въ компаніяхъ Петра Калмыкова, много вынесъ оттуда и всегда съ восторгомъ и увлеченіемъ рассказываетъ о похожденияхъ покойнаго, придавая многимъ его дѣйствіямъ сверхъестественное значеніе.

Когда окончилось сплечиванье, Тимоѳей взялъ поднесенный ему стаканъ водки и произнесъ: „Царствіе небесное Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть; да произнесется рука его на насъ и на всемъ грядущемъ поколѣніи рода путешественнаго! (откашливаясь). Памятенъ мнѣ тотъ день, когда ходили возлѣ озера журавли; смотри, сказалъ мнѣ Петръ Иларіоновичъ, это тѣ самые журавли, которые вчера перешли намъ дорогу и на конецъ того ось сломалась; эвто, говоритъ, духи нечистые въ одеи журавлевъ. Сказавъ это, Петръ Иларіоновичъ взялъ двустволку, бацнулъ и обѣихъ положилъ на мѣстѣ,—перья только разлетѣлись. Мы пришли, значить, къ тому мѣсту, Петръ Иларіоновичъ и говорить: возьми-тка, Тимоня, эвтаго хвороста, разведи огонь и журавлевъ положи на самую середину, чтобы, значить, въ отдѣлку разсѣять сатанинскія плевели. Я, значить, взялъ хворосту, развелъ огонь и положилъ рядомъ двухъ журавлевъ и только отошелъ не болѣе, какъ отсюда до могилы (указывая чрезъ окно), обернулся,—глядь, журавли словно прыгаютъ,—не сойти мнѣ съ эв-

таго мѣста! Смотри, говоритъ мнѣ Петръ Иларіоновичъ, какъ ихъ подбрасываетъ! На меня ажъ страхъ напалъ; думаю про себя, что бы это значило? Совсѣмъ, кажись, были убитые, а тутъ на жарчайшемъ огнѣ словно ожили,—просто чудеса?

— Да вѣдь еще какія чудеса то! раздались голоса. Теперь бы сказать,—были они не добиты,—такъ нѣтъ, ажъ на перья разлетѣлись! Да что и говоритъ! Петръ Иларіоновичъ промаху не давалъ, ужъ такой былъ стрѣлокъ.—На что сказать Лущечка, и та поди какъ стрѣляетъ, каждую т. е. птицу на лету сшибаетъ!

— Сшибетъ то сшибетъ, ну только трудно досталась ей эвта наука! заговорилъ Василій, Покойный, вѣчная ему память, не одного промаха не дарилъ,—бывало вцѣпится такъ, что потомъ и самъ не радъ!

— Да что объ этомъ толковать! Ни одна наука не проходитъ безъ того, чтобы не вцѣпиться,—на то и наука!

— Что ты, Тимоня, стаканъ то держишь? закричала Акулина,—помяни же домъ благодатный!

— Вѣчная память Петру Иларіоновичу и всему благодатному дому, смѣнившему плоть: Маланьюшкѣ, Васильюшкѣ, Иларіону многострадательному и всѣмъ, всѣмъ!

Когда Тимошей выпилъ водку и сѣлъ за столъ, къ нему подошла Акулина и, ставъ съ боку съ правой стороны, упрашивала закусить:—вотъ, говоритъ, курочка, барашекъ, яички, творожекъ свѣженькій, только что сегодня собрали, а вотъ сметанка и алады съ медомъ,—кушай на здоровье! Небось съ дороги озябъ и заморился...

— Не столько озябъ, сколько наморился: по эвтимъ горамъ ни верхомъ, ни пѣшкомъ! Камни на дорогѣ словно набросалъ кто нарочно; камень на камнѣ,—ну одно слово ходу нѣтъ, а тутъ все въ гору и въ гору приходится, пока, значить, не доберешься до Тамбовки. Истинно страна мусульманская,—ни звѣря не видно, ни птицы парящей по воздуху, а тутъ еще бѣда случилась,—дорогой обронилъ письмо, да только хватился скоро.

— Какъ, ты обронилъ письмо?—съ удивленіемъ спросила богородица.

— Хошь обронилъ Лущечка, но всетаки не далъ ему пропасть. Я, какъ, значить, хватился, что письма нѣтъ, думаю себѣ, погоди, это шутки окаяннаго и не въ первый разъ мнѣ съ тобой справляться. Тутъ же остановился на дорогѣ, гдѣ, значить, случилось со мной эвтакое приключеніе, покачалъ себѣ головою и говорю: нечего дѣлать, нужно двигаться назадъ! А дѣло было какъ разъ на перевалѣ, гдѣ окаанный умудрился натаскать кам-

ней. Прочиталъ псаломъ: „Воскресни, Господи, изцѣли меня, Господи, раба Божьяго Тимоѳея“, и пошелъ; шелъ, шелъ, почитай съ версту и того болѣе, остановился, глядь, письмо стоитъ бокомъ, значить,—одной стороною уперлось въ землю, другой же наискось лежитъ на камнѣ, какъ будто кто нарочно поставилъ; я долго смѣялся надъ этой штукой и думаю себѣ: Господи, Господи, дивны дѣла твои! Прочелъ опять псаломъ и отправился у путь и дорогу.

— Еще и случая такого не бывало, чтобы письмо затерялось,—заговорила Лукерья. Не въ первой разъ, что оброняли и всегда находили: то подъ камнемъ, то подъ деревомъ, то подъ кустомъ, одно слово—на видномъ и сбережномъ мѣстѣ. Въ памяти мнѣ, что уже второй разъ на томъ же мѣстѣ оброняютъ письмо и всетаки находятъ.

— Да, должно быть ужъ мѣсто этакое, заговорили духоборы. Вишь,—камень на камнѣ, ни звѣря, ни птицы небесной, одно слово—ни одной твари живущей; значить, тамъ ихъ притонъ и они то себѣ выкидываютъ продѣлки и всяческія т. е. тамъ убійства совершаются и прочее тому подобное приключеніе. А какъ навѣрнешься на кого съ молитвой: тутъ ему и баста,—неси письмо и ставь его на свое мѣсто, откуда взять. Сказано, предъ словомъ Божиимъ смиряется сатана.

— Кушай, Тимоня, говорила Лукерья, небось съ дороги усталъ... да вотъ выпей-ка еще стаканчикъ, попробуй сардинокъ!

— Благодарствуемъ, Лушечка. Сардинки мнѣ не по нутру; помнится мнѣ: я какъ-то разъ у покойнаго Петра Иларіоновича сѣлъ одну коробку,—какъ схватить меня, такъ, повѣрь моему слову, не зналъ гдѣ и мѣста найти; ужъ я и туды и сюды, одно слово—мочи не хватаетъ, а онъ себѣ, покойный, царство ему небесное, только поглядываетъ и смѣется; съ тѣхъ поръ не токмо ѣсть, да и видѣть не хочется; сказано—рыба ничего нестоющая! Тимоѳей, проголодавшись съ дороги, ѣлъ съ аппетитомъ, успѣлъ хватить нѣсколько стакановъ водки и только что хотѣлъ полотенцемъ вытереть ротъ, наполненный хваленымъ творогомъ, какъ Лукерья встала и, давъ ему еще утереться, сказала: „для тебя есть у меня другое“, и, снявъ со стѣны полотенце, украшенное кружевами и позументомъ подъ золото, отдала ему, говоря: „помни же, вытирай себѣ каждый день лобъ, глаза и виски“. Тимоѳей, озадаченный неожиданнымъ подаркомъ, повидимому потерялся,—хотѣлъ выйти изъ за стола, одной ногой уже перешагнулъ скамейку, но потомъ раздумалъ, повернулся опять, приблизился къ Лукерьѣ, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ; всѣ глаза были уст-

ремлены на Тимоѳея, Лукерья, сидя на своемъ мѣстѣ, также поглядывала и какъ будто чего то выжидала; сдѣлалось всеобщее молчаніе, водворилась тишина, а Тимоѳея, словно осиновою чурбанъ, стоялъ передъ богородицей.

Неизвѣстно, какъ бы долго продолжалась эта нѣмая сцена, если бы сзади стоящая Акулина не приняла участія. Акулина то и дѣло толкала Тимоѳея и каждый разъ шопотомъ произносила: ну же, ну же выходи, опомнись, да выходи же, эка его выпрямил! Наконецъ, видя его полное замѣшательство и что повторяемые ею нѣсколько разъ толчки не производятъ желаемого дѣйствія, крикнула: Тимоня, а Тимоня! Ну что эвто съ тобой,—словно кто тебя кипяткомъ обдалъ? Опомнись, да ступай благодарить мать милосердія! Нешто такъ дѣлають?

— Что эвто бѣ значило? вскрикнулъ опомнившись Тимоѳей и, выйдя изъ за стола, сталъ въ трехъ шагахъ отъ богородицы, сдѣлалъ поклонъ въ ноги и, оставаясь на колѣняхъ, произнесъ: „И себѣ, и дѣтямъ, и всѣмъ жаждущимъ исцѣленія буду утирать все, какъ есть все“!—Эка, куда занесся, зашумѣли старики, тебѣ вѣдь сказано лобъ, глаза и виски, а онъ, значить, толкуеть свое,—не жирно ли будетъ?! слышались голоса.—Не жирно ли будетъ,—повторилъ Тимоѳей, кланаясь въ ноги Лукерья.

— Да онъ никакъ сбился, зашумѣли бабы.

— На здоровье же тебѣ, проговорила богородица, береги это полотенце и благодари того, который сатанинскія плевила разсѣялъ.

— Благодарю того, который сатанинскія плева разсѣялъ.

— Встань, Тимоня! Богъ тебѣ все дастъ, еще больше получишь себѣ, было бѣ только упованье.

— Тимоѳей всталъ, окуталъ шею свою полотенцемъ и сталъ еще смѣшнѣе. Онъ долго, казалось, не могъ прійти въ себя: то пожимаясь плечами, то испуская тяжелые вздохи, часто брать конецъ полотенца въ руки и вытиралъ имъ лобъ, глаза и виски: то говорилъ про себя: „Вотъ истинная милость Божія, никто какъ Онъ, все Онъ“! Напрасно Акулина уговаривала его выпить и откусать съ дороги; на всякое приглашеніе онъ то и дѣло повторялъ: „дайте времячко опаматоваться, дайте опаматоваться, право, ну ничто нейдетъ въ горло, никакія т. е. сардинки и всяческія закуски“. Наконецъ, Лукерья встала и сама поднесла выпить за ее здоровье.

— Ты, говорила она, пилъ за вѣчную память смѣнившихъ плоть, а теперь выпей за мое здоровье и все, какъ есть все, чтобъ

ни капли не осталось, чтобы стаканъ былъ такъ-же чистъ, какъ чиста твоя совѣсть и душа праведная.

— Спасиботебѣ, Господи, отвѣчалъ Тимоѣй; будемъ живеньки, здоровеньки, да исполнятся всяческія т. е. желанія,—весело-бъ жилось, ѣлось, пилось и прочее тому подобное и помяни, Господи, кротость праведнаго Давида.

Подарокъ полотенцемъ считается величайшею наградою. Съ какимъ благоговѣніемъ принимается оно,—слѣдить богородица и старики; принять съ равнодушіемъ и не выпустить ни одной слезинки, значить—навлечь на себя впослѣдствіи немилость Лукерьи и общественный упрекъ; вотъ почему Тимоѣй долженъ былъ разыграть комедію и изъ расторопнаго, бойкаго и, кажись, неглупаго человѣка прикинуться дурачкомъ.

Однако поминки все продолжаютъ. Завязался крупный разговоръ между Василиемъ и Игнатомъ, секретаремъ Лукерьи: почему, дескать, не упомянули въ письмѣ, сколько именно посылается денегъ?

— Про то знаютъ Башкичетскіе, говорилъ Василій и мать милосердія.—Будешь все знать—состаришься!

— Ну, однако же это такой порядокъ; значить, сколько мнѣ разъ ни доводилось читать, всегда о томъ извѣщается письменно,—хоть рубль, хоть два или болѣе, а все-таки отписываютъ. Одно слово—такой порядокъ!

— Вотъ тебѣ и порядокъ! Небось порядки думаешь заводить,—у себя въ домѣ заводи, а дальше рукъ не распростирай, и безъ тебя есть кому!

— Ему говоришь одно, а онъ себѣ другое; на всякія т. е. дѣла есть свое заведеніе; хорошо значить, что деньги доставлены исправно, а если бы обронилъ, тогда и видно бы было, сколько отправлено и справку бы послали... Слѣдуетъ всенепремѣнно отписывать.

— Эхъ какой ты чудной! Мало ли что отписываютъ,—ну пусть отписываютъ, а Башкичетскіе себѣ на умъ. Что съ того, что ей сразу объявится столько? Нѣтъ, пусть она сама сведетъ счетъ и переберетъ т. е. каждую бумажку, кто какъ жертвовалъ; тамъ и моихъ то пять рублей!

— Ты совсѣмъ дѣловъ не понимаешь!..

— Небось ты много понимаешь?! Ты думаешь себѣ, что книжки читаешь, такъ и ума набрался, онѣ тебя къ добру не поведутъ, какъ есть въ отдѣлку корчапникомъ сдѣлаешься,—не встать мнѣ съ этаго мѣста!

— Что съ тобой толковать, сказано—глупый человѣкъ!

— Да вотъ тебѣ и глушій, никто же какъ ты!

— И откуда онъ взялся, прости меня грѣшного! Какъ только выпьетъ, такъ и лезетъ въ глаза, гдѣ что берется.

— Што вы споритесь? закричала Акулина,—нешто это дѣло, нешто за тѣмъ сюды пришли?

Василій что-то хотѣлъ сказать, но Акулина зажала ему ротъ рукой и закричала: „цццъ, ишь раскодился и слова не дастъ сказать! Никому нѣтъ до этого дѣла—отписываютъ, аль нѣтъ; пили-бъ, ѣли-бъ, веселились, а не поносили бы другъ дружку безчестьемъ. Ты больно не шумаркай, а то я тебя такъ пугну, что другой разъ не явишься! Ужъ вправду, Василій, словно собрались гуторить о кадилѣ...“

Василій еще собирался говорить, но Тимоѳей крикнулъ, остановилъ его и сейчасъ же запѣлъ псаломъ: „На тя Господи уповахомъ“. Агафья подхватила, а за нею остальные, и заунывные звуки опять раздались въ поминальнѣ; для возбужденія же нервовъ Акулина подносила по очереди водку; богородица продолжала пить портеръ и принимать поклоны лицъ, допускаемыхъ молодцами,—то были прїѣзжіе изъ разныхъ селеній, желавшіе сдѣлать приношенія; между тѣмъ народъ, столпившійся кругомъ поминальни, требовалъ, чтобы Лукерья вышла къ нему; по докладу о томъ молодцами, она не замедлила выйти; народъ, завидѣвши ее, снялъ шапки и благодарилъ за хлѣбъ-соль; здѣсь она долго съ ними говорила и, замѣтивъ, что мало водки, распорядилась еще отпустить.

— Спаси тебя, Господи!—закричали духоборы и цѣлою массою запѣли псаломъ: „Чудная владычица богородица, держава морская“. Лукерья опять пошла въ поминальню и едва успѣла придти и сѣсть за столъ, какъ одинъ изъ молодцевъ пришелъ доложить, что Микитка „съ умиленнымъ образомъ испрашиваетъ всепрощеніе, подвергаетъ сердце свое на блюдо чистаго разсужденія“.

— Наконецъ покаялся!—заговорили духоборы. Какъ не толкуй, а душа свое беретъ; на, дескать, тебѣ сердце на блюдо чистаго разсужденія. Великое дѣло покаяніе передъ матерью милосердія! Кайся пока живъ, смѣнишь плоть,—тогда поздно.

— Что будешь дѣлать,—со вздохомъ проговорила Лукерья,—зови! У самой даже сердце болитъ отъ различныхъ случаевъ.

— Прости, Лушечка! Нонѣ день такой и какъ будто бы нарочно къ этому времени прїѣхалъ, видно былъ себѣ на умѣ, что навпередъ не явился!—заговорили сидящіе за столомъ.

Въ поминальню вошелъ духоборъ лѣтъ сорока, средняго роста, лѣсколько сутуловатый, лицо круглое, щеки и носъ приподняты

кверху—красные, глаза сѣрые съ нависшими большими темнорусыми бровями и такими же волосами, стриженными подъ гребенку; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ узелъ, а въ правой черный картузъ, съ длиннымъ козырькомъ; одѣтъ былъ по праздничному. Духоборъ былъ порядочно выпивши, но твердо стоялъ на ногахъ.

— „Прорекохъ тебѣ, Господи Богъ живъ нашъ!“—произнесъ Микитка и, сдѣлавъ поклонъ до земли, оставилъ у ногъ Лукерьи узелъ съ гостинцемъ, который тотчасъ же былъ убранъ Акулиною.

— „Живъ Богъ нашъ и жива душа Его!“—отвѣчала богородица и, склонивъ нѣсколько голову на правую сторону, пристально смотрѣла на Микитку.

— Всѣ братцы и сестрицы духовные свидѣтельствуютъ тебѣ нижайшій поклонъ отъ праведнаго лика до сырой земли и такожде возлюбленнымъ братцамъ и сестрицамъ, обитающимъ во святомъ градѣ семъ!

— Спаси ихъ, Господи!—произнесли духоборы.

Настало молчаніе. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на Микитку, который былъ задумчивъ и серьезенъ; онъ смотрѣлъ внизъ и держалъ руки на груди, сложивши ихъ на крестъ; въ такомъ положеніи находился нѣсколько минутъ, пока наконецъ одинъ изъ стариковъ не обратился къ Игнату, секретарю Лукерьи, съ замѣчаніемъ, что пора, дескать, приступить къ покаянію.

— Ну, что задумался?—произнесъ Игнатъ. Нечего то раздумывать,—кто Богу не виновать?

— Конечно, тутъ ничего не выдумаешь, кто виновать не бываетъ,—плоть все-таки свое беретъ!—заговорили присутствующіе.

Акулина, стоящая позади Лукерьи, махаетъ руками и показываетъ жестами, чтобы Микитка сталъ на колѣни.

— Ну что задумался?—повторилъ Игнатъ. Нешто на стоянки пришелъ!

Микитка всталъ на колѣни и произнесъ: „Согрѣшилъ я тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и тобою; да не въ осужденіе мнѣ будутъ глаголы изъ пречистыхъ устъ твоихъ! Предвергаю сердце свое на блюдо чистаго разсужденія“. Богородица, тронутая искренностью словъ Микитки, произнесла:

-- Встань, Микитка!

Микитка всталъ и, сдѣлавъ поклонъ въ ноги, сказалъ: „Спаси, мать, мужичка“!

— Богъ и я тебя прощаю! Да не пить бы тебѣ хмельнаго и не говорить бы слова темнаго,—то и будетъ тебѣ!

— Спаси тебя, Господи! (обращаясь къ сидящимъ) Простите

меня, братцы и сестрицы духовные, да не въ осужденіе мнѣ будутъ глаголы изъ праведныхъ устъ вашихъ! (дѣлаетъ поклонъ).

— Богъ тебя и мы прощаемъ! Ну вотъ и благодареніе Богу, что сподобилъ тебя покаяніемъ; теперь и на душѣ, глядь, полегче стало, одно слово—очистилъ себя, какъ есть!

— Вправду полегчело, заговорила Акулина. Что же молчишь,—небось, совѣсть угрызаетъ?

— Сказано, угрызаетъ!—отвѣтилъ Микитка. И надо же случиться этакому приключенію. Я, значить, былъ немножко подъ хмелькомъ и сорвалось у меня слово... (зѣваетъ).

Лукерья, не давъ докончить объясненія, грозно произнесла:

— Молчать, Микитка! Теперь вспоминать прошлое не къ мѣсту; прощено, значить—и забыть слѣдуетъ!

Микитка замолчалъ, нахмурился и, казалось, былъ весьма недоволенъ замѣчаніемъ Лукерьи,—ему досадно было, что не приняли объясненій. Можетъ быть, въ дѣйствительности Микитка и не былъ настолько виноватъ, чтобы подвергаться публичной церемоніи всепрощенія. Хотя, вопреки правиламъ, и не разбирался проступокъ Микитки, чему многіе непосвященные въ суть дѣла и выражали свое удивленіе,—„дескать, почему не разсмотрѣли его вины“,—но, какъ въ послѣдствіи выяснилось, Лукерья почему то не желала, о чемъ предварила секретаря своего Игната и другихъ стариковъ, знающихъ вину Микитки; слухи по крайней мѣрѣ носились, что Микитка, будучи подъ хмелькомъ, въ присутствіи нѣсколькихъ духовоборовъ подсмѣялся надъ Лукерьею, о чемъ было ей заявлено и она только придумывала, какое бы ему опредѣлить наказаніе при первомъ свиданіи; но Микитка догадался предупредить ее прибытіемъ въ Горѣлое съ повинной въ такой день, когда обыкновенно прощаютъ.

Микитка долго стоялъ, прижавшись къ стѣнкѣ, съ опущенною головою внизъ и весьма неохотно отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, предлагаемые духовоборами; онъ былъ занятъ мыслию заслужить снова вниманіе Лукерьи; безъ нея приглашенія не рѣшался ни сѣсть, ни даже сплечиться съ братьями и сестрами. Наконецъ Лукерья дала знакъ Акулинѣ, чтобы та поднесла стаканъ водки; Акулина, подойдя съ подносомъ, просила выпить стаканчикъ, но Микитка отвернувшись сказалъ:

— Ой, дай вздохнуть,—право ну не въ мочь, какая теперь водка!

— Ну стаканчикъ винца,—вотъ этакое красеньяго, авось полегчаетъ!

— Какое таперь вино, дай одуматься отъ грѣха своего!

Богородица, прочитавъ на лицѣ Микитки раскаяніе, сказала:

— Помяни Петра Иларіоновича! Налей ему, Акулина, вотъ этотъ стаканчикъ, что побольше.

Акулина, подойдя къ Микиткѣ, замѣтила ему:

— Долго ли я тебя буду просить? Пей! пей! заговорили всѣ присутствующіе; сказано—мать милосердная простила и мы, значитъ, не имѣемъ къ тебѣ ничего; ну только помни, Микитка, зря слово не выпускай, пей, да дѣло разумѣй!

— Одно слово—разумѣть надо! Царствіе небесное Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть! Не вѣсть какъ время далеко, двадцать лѣтъ живо пройдутъ, больше прожили, а ты, Лушечка, не тужи! Богъ дастъ, скоро увидишься съ нимъ на горѣ въ юности, во областяхъ пресвѣтлыхъ. Вѣчная ему память!

У Микитки зашумѣло въ головѣ, онъ сталъ смѣлѣе и развязнѣе, и прежде чѣмъ обратить вниманіе на изобиліе закусокъ, которыми былъ уставленъ столъ, поторопился исполнить обрядъ сплечиванья.

Во время этой церемоніи одна изъ молодыхъ духоворокъ, недурной наружности, напомнила ему, что онъ не пилъ еще за здоровье „матери милосердія“ и, наливши ему стаканъ водки, просила пить до дна:—„иди, говоритъ она, иначе не подходи цѣловаться“!

— Напередъ дай окончить одно, а потомъ другое!

— Ну кончай себѣ, какъ знаешь, а ко мнѣ не подходи;—я тебѣ сказала и кончено! (при этихъ словахъ, прижала рукою ротъ Микитки и отворотила въ сторону лицо).

— Что ты будешь дѣлать!—вскрикнулъ самодовольно Микитка. Не иначе какъ надо уступить ей и, подойдя къ богородицѣ, произнесъ:

— За здоровье твое, Лушечка! исполненіе т. е. всяческихъ желаній, радостно провести нонѣшній денечекъ и новенькаго дожждаться!

Съ послѣднимъ словомъ Микитка, габывъ, что у него въ рукѣ стаканъ, палъ въ ноги Лукерѣ и облилъ ей голубое платье.

Тимовой, сидѣвшій возлѣ богородицы, замѣтивъ пеловкость Микитки, вскрикнулъ:

— Какой ты медвѣдь, прости меня грѣшнаго! и торопливо схвативъ утиральникъ, задѣлъ имъ стаканъ съ портеромъ, стоявшій передъ Лукерей.

— Ну, что это за приключеніе! Хотѣлъ, значитъ, прислужиться и наконецъ того самъ обдалъ! Это просто удивленіе!

Богородица живо вскочила, приподняла платье свое нѣсколько вверхъ и начала передъ свѣтомъ разсматривать.

— Боже мой, вскрикнула Лукерья, какъ изгадили то платье!

Всѣ бывшіе при этомъ женщины обступили Лукерью, а Акулина бѣленькимъ платочкомъ вытирала остатки водки и портера.

— Матушки мои родненькія, какъ они загадили-то тебѣ! Со-всѣмъ ничего не подѣлаешь,—не такъ водкой захватило, какъ портеромъ.

— Одно слово—портеромъ!—произнесъ Микитка, неуспѣвшій встать съ колѣнъ.

— Кабы ты не обдавалъ водкой, отвѣчала съ неудовольствіемъ Лукерья, не было бы этого! Ну чего ты еще стоишь на колѣняхъ?

— Значить—согрѣшилъ, Лушечка!

— Встань, тебѣ говорятъ! Согрешилъ!

— Толкуеть себѣ—портеромъ!—съ досадой говорилъ Тимосей, выходя изъ за стола. Съ одного портера неужто бы такъ запачкалось? Теперь, значить, водка смѣшалась и бѣды надѣлала. Будто портеромъ первый разъ приходится обливать! Бывало у Петра Иларіоновича, царство ему небесное, другой разъ такъ зальютъ скатерть, что уму непостижимо, одно слово, какъ есть всю скатерть, а потомъ, глядь, на другой день такъ чистехонька, что и невдомекъ, чтобы эвта самая была. А ты рассказываешь,—портеры! Это тебя то дернуло съ водкой поклониться! Ну гдѣ эвто видано, чтобы теперь вмѣстѣ со стаканомъ преклоняться? Прежде бы выпилъ, а потомъ ужъ преклонялся, а то черезъ свою невеликатность и другого подѣ грѣхъ подвелъ. Лезетъ себѣ зря! Коли ужъ подѣ хмелькомъ,—не суйся!

— Коли-бъ ты звѣрскимъ именемъ не обзывалъ, не случилось бы эвтаго!

— Да вѣдь я то тебя назвалъ когда? Когда ужъ ты, значить, выкинулъ этакую штуку. Другое дѣло, еслибъ тебя прежде того обозвали, ну, можно бы подумать, а то ты же, къ примѣру, кланяешься и стаканъ, какъ есть, въ рукахъ,—хоша бы выпилъ прежде!

— Куда ему еще пить! зашумѣли духоборы,—вѣдь ты видишь, что онъ и такъ порядкомъ хвативши. Чудной этотъ Микитка. Сколько разъ ни приходилось быть въ собраніяхъ, но эвтакой оказіи не случалось. Ну скажемъ теперь и то, нужно же было Палашѣ налить водки и направить къ Лушечкѣ!

— Да кто его зналъ, прости меня грѣшную!—скороговоркой произнесла Палаша. Вѣдь на ногахъ же стоялъ и какъ будто бы

и настоящій человѣкъ и разсужденіе имѣеть и съ такой великатошью подошелъ сплечиваться.

— Кабы я эвто знала, я бы и трехъ шаговъ не подпустила.

— Тоже сказать таперь и Тимоѣей,—нужно же ему было хватиться за утиральникъ и кинуться, словно кто его ущипнулъ сзади!

— Чудно вы разсуждаете! Я, значить, замѣтилъ, что Микитка выкинулъ этакую штуку, хотѣлъ тутъ же исправить дѣло,—значить, пока водка не вѣлалась утереть остатки; анъ попуталъ меня Агрикъ, видно его завидки взяли.

При этихъ словахъ Тимоѣей, сядясь за столъ и размахивая руками, столкнулъ на полъ большой кувшинъ со сметаной.

— Нѣтъ, эвто дѣло нечистое!—громко закричалъ Тимоѣей.

— Что это разбили?—заговорила Лукерья, которая все возилась съ своимъ платьемъ.

— Горшокъ со сметаной,—зашумѣли всѣ.

— Какъ хошь себѣ, Лушечка, но не въ мочь мнѣ здѣсь сидѣть, аль мнѣ выдти прикажи, аль перемѣнить мѣсто: окаяннаго большія завидки взяли,—ему не въ моготу твое даренное полотенце.

Съ этими словами Тимоѣей всталъ изъ за стола, поблагодарилъ Лукерью за хлѣбъ—соль, сдѣлалъ поклонъ въ ноги и вышелъ изъ поминальни.

Выходка Тимоѣея поставила въ тупикъ всѣхъ присутствующихъ; пошли толки, разсужденія; всѣ единогласно признавали, что во всемъ этомъ слѣдуетъ усматривать дѣйствіе нечистаго духа, озлобленнаго милостивымъ вниманіемъ богородицы.

— Какъ бы то ни было, мужчина себѣ ловкій, проворный и обхожденіе, значить, настоящее и слово то говорить не зря, что не задумаетъ сдѣлать: угодить ли, къ примѣру, аль оказать великатошью,—все идетъ наперекоръ; оно, правда, хотъ и подъ хмелькомъ, а мы то развѣ далеко отошли? Вотъ Микитка, еле можахомъ, но всего то разъ впалъ въ ошибку, значить, дернуло его преклониться вмѣстѣ со стаканомъ. Чудной эвототъ Микитка! А тутъ что ни шагъ, словно кто тебя подводитъ,—тамъ, глядишь, портеромъ обдалъ, тамъ опять горшокъ разбилъ, наконецъ того сознался, что не въ мочь ему тутъ быть, какъ будто кто ему нашептывалъ: „уходи, дескать, тутъ тебѣ теперъ не мѣсто“.

— По моему, братцы, сказалъ Игнатъ, онъ таки просто хватилъ чрезъ мѣру послѣ дороги и она, значить, его сшибла.

— Не спорю, и эвто можно думать, ну только нѣтъ! Ой, нѣтъ!

Тимоня бывалый человѣкъ, его не скоро спомнѣшь, одно слово—мужественный человѣкъ.

— Неровень часть, другой разъ и отъ двухъ стакановъ спшибеть.

— Да, пожалуй, говорить то можно, а надо до истины дойти и обсудить, значить, всяческія т. е. дѣйствія, къ чему что подходить! Не иначе все-таки, что здѣсь дѣйствовалъ окаянный, зашумѣли духоборы.

— А мнѣ сдается, что его просто спшибло съ дороги! Какъ не гляди, но Акулина то и дѣло ему стаканъ за стаканомъ,—не успѣетъ, значить, одного откупать, а тутъ ужъ стоитъ другой потомъ, наконецъ, самъ себѣ сталъ наливать; я, значить, только спжу да посматриваю, думаю про себя, что съ этаго станетъ,—такъ его и подстрекаетъ пить да пить; почитай, стакановъ съ десять осушилъ, а вы сабѣ знай разсуждаете,—окаянный!

— Нѣтъ, не говори, Игнатъ!—саясь за столъ отозвалась Лукерья. Бываетъ и такъ, что находить на человѣка совсѣмъ трезваго такой туманъ, что у него и слово не клентся и руки не дѣйствуютъ; да вотъ недалеко примѣръ: въ позапрошломъ году я также на поминкахъ подарила полотенце Власу,—вѣдь мужчина куды какой, любого перепьетъ,—чтожъ бы вы думали, какъ сълъ возлѣ меня, то и дѣло рюмки да стаканы бьетъ; далѣе, наконецъ, идетъ къ столу, что въ углу стоитъ съ закусками и хотѣлъ мнѣ, значить, принести кусочекъ барашка,—тогда былъ очень вкусный барашекъ, я и скажи ему, иди, дескать, Власъ, отрѣжь для меня кусочекъ. Вотъ онъ, значить, и пошелъ и только дотронулся до закуски, какъ есть супникъ съ вареными яйцами на полъ; онъ какъ, значить, держалъ руки, такъ онѣ и остались, обомлѣлъ, бѣлый сдѣлался, какъ эта стѣна; хочетъ, значить, руки отнять отъ барашка и не можетъ, какъ будто кто приковалъ ихъ,—ни туда, ни сюда, пока не пришло ему на разумъ проговорить: „Врагъ сатана, откачнись отъ меня, у меня богородицкій замокъ и самъ Спасъ со мною.“ Тутъ же руки и ноги пришли въ дѣйствіе, онъ подошелъ ко мнѣ, палъ на колѣни и съ умиленнымъ образомъ просилъ.

Всѣ сидѣвшіе съ большимъ вниманіемъ слушали Лукерью, изъ устъ которой вылетала рѣчь оформленная въ чудеса; для приданія же большаго вѣса словамъ и значенія подлежащей сомнѣнью истины, она даже при воспоминаніи о томъ, что Власъ просилъ ее съ умиленнымъ образомъ, прослезилась и вытерла платкомъ глаза; духоборы при этомъ тяжело вздохнули, а бабы изъ подражанія Лукерѣ также начали плакать; одинъ только Игнатъ пожималъ плечами и съ какимъ то недовѣріемъ отно-

сился къ разсказу Лукерья; онъ не замедлилъ обратиться къ ней съ вопросомъ:

— Чтожъ бы это значило, Лушечка, что Власть не могъ отнять рукъ,—окаянный ли тутъ дѣйствовалъ, или, таперича сказать, онъ испугался? Какъ хошь, разбить этакой супникъ, къ примѣру, съ закуской, что-вибудь да составляетъ. Хошь кого испугаетъ!

— Вправду испугаетъ, подхватилъ Микитка, который, сидя на углу скамейки, покачивался.

— У нашего Бога премудрости много!—съ досадою и неудовольствіемъ произнесла Лукерья, вставая со скамейки. Кто читаетъ да почитаетъ, тотъ пойметъ мои словеса, а кто затыкаетъ себѣ уши, какъ къ примѣру Микитка, тотъ не дойдетъ до истины. Овые глаголютъ—„яко съ нами Богъ“, а овые глаголютъ—„невозможно быть“.

— Невозможно быть и кончено! крикнулъ сквозь сонъ Микитка.

Всѣ присутствующіе невольно обратили вниманіе на Микитку и зашумѣли:

— Развѣ ты сюда дремать пришелъ, развѣ тутъ мѣсто, безбожникъ ты этакій,—уши затыкаетъ отъ устъ пречистыхъ?!

— Ой братцы, опомнися Микитка, я все не приду на настоящую т. е. точку.

— Да никогда ты не придешь съ своимъ нравомъ! Слушай, коли здѣсь, а не то двери свободны, никто тебя не удерживаетъ.

Микитка выпрямился и ни слова.

Лукерья, наливъ себѣ стаканъ портеру, сѣла на свое мѣсто; она, какъ кажется, не столько была недовольна на Микитку, сколько на вопросъ, предложенный ей Игнатомъ,—къ чему отнести чудеса съ Власомъ. Она привыкла, чтобы мысли ея угадывали и придавали имъ должное значеніе; но какъ только встрѣчала затрудненіе въ отвѣтахъ, то всегда выжидала разъясненія и поддержки другихъ.

Близкіе къ ней духоворы, хорошо понимавшіе ея цѣли и знававшіе свои личные интересы, всегда стараются выводить ее изъ затруднительнаго положенія, и въ настоящемъ случаѣ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ духоворцевъ, по имени Алексій, началъ свою рѣчь такъ:

— Ты, Игнатъ, толкуешь себѣ, что, дескать, Тимоѳей выпимши опрокинулъ портеръ и горшокъ со сметаной; ладно, ну къ чему же это отнести, что онъ сталъ говорить не своимъ языкомъ, къ примѣру сказать, онъ кланяется и повторяетъ чужія слова, вовсе

не подходящія къ дѣлу? Тамъ, значить, слышались голоса: не жирно ли будетъ, и онъ себѣ повторяетъ,—не жирно ли будетъ; скажи ему тогда, что хошь, онъ бы все какъ есть повторялъ; а вѣдь человѣкъ, одно слово, куда угодно, такихъ мало, и не Богъ вѣсть что выпилъ, одно слово—вышелъ и не пошатнулся. Какъ же на это смотрѣть? Ну, скажите, пожалуйста? Не иначе, какъ на завидки окаяннаго, которому не по нутру дары изъ дома благодатнаго. Вотъ теперь какъ хочешь, такъ и суди!

— Пусть себѣ и этакъ будетъ, Господь про то вѣдаетъ!—отвѣчалъ Игнатъ, боясь попасть не въ милость богородицы и лишиться должности секретаря.

— Сколько мнѣ въ памяти, продолжалъ Алексій, и году не проходило безъ того, чтобы чего-нибудь не случилось. Напередъ еще хуже бывало, особливо въ первый годъ кончины Петра Иларіоновича,—царство ему небесное! Одно слово земля потряслась, вся преисподняя взбунтовалась; сатана пуще озлобился и началъ праведныя души низводить и подставлять имъ демоновъ мрачныхъ. Теперь же мы видимъ, что годъ отъ году легче, силы ужъ не тѣ у окаянныхъ, значить—слабѣютъ; вѣдь что ни говори, а его сразу не одолѣешь!

— Куда одолѣть сразу, подняли шумъ духоборцы, сказано—тъма большая и воинство большое; одно слово—распустилъ паутину по всему бѣлому свѣту!

Богородица, подымаясь со скамейки и наливая стаканъ портера, скороговоркой произнесла:

— Она видима для всѣхъ, да не всѣ ее видятъ.

— Да вотъ, братцы, и разгадайте теперь, что это за паутина, которая видна, да не всѣ ее видятъ!—сказалъ Алексій.

Духоборы, заинтересованные шарадой: „что это за паутина, которая видна, да не всѣ ее видятъ“, не шутя призадумались; многіе старались доказать, что это сѣть Агрика; другіе же возражали такъ: „что хотя сѣть и близко къ этому подходить, но все же не то: сѣть, такъ она, значить, всегда сѣть, а паутина, что то иное. Скажи, пожалуйста, вотъ такъ и вертится въ башкѣ, а наконецъ того не нападешь. Теперь сказать: какая—нибудь веревка или что-нибудь подобное ей, такъ куды жъ, опять не то,—опять же къ сѣти подойдетъ, а то одно слово—паутина.

Долго духоборы напрягали свой мозгъ разрѣшить загадку; Алексій уже обращался къ Лукерѣ, чтобы она объяснила имъ, но та не соглашалась, она говорила:

— Пусть сами догадаются, вотъ тутъ и видно будетъ, кого

Богъ сподобилъ; зрящія души, тѣ только видятъ и объяснять что къ чему!

При этихъ словахъ Микитка отозвался:

— Да што, братцы? Паутина означаетъ телеграфскую проволоку!

— Вотъ тебѣ и Микитка! Думалъ и додумался, и небось, какъ разъ впопадъ!

Лукерья, оставшись весьма довольная отвѣтомъ Микитки, обратилась къ нему и сказала:

— Коли тебя Господь сподобилъ премудростью, отнынѣ ты блаженъ!

— Спаси тебя Господи!—сказалъ Микитка.

-- Что же ты не встанешь и не преклонишься, какъ слѣдуетъ?—замѣтила Акулина Микиткѣ. Вѣдь такое слово не всякъ услышитъ; ты, небось, въ первый разъ слышалъ?

-- О телеграфной проволоцѣ то я давно слыхивалъ, да и самъ ее не разъ видѣлъ; но только, вправду сказать, не дотрогивался.

— Дотрогивался, аль не дотрогивался, а всетаки, значить, поклониться подобаетъ.

— Одно слово—не виновать ни предъ Богомъ, ни матерью милосердія.

-- Ишь, что онъ толкуетъ! Словно въ туманѣ!—заговорили присутствующіе.

Акулина же, подойдя къ Микиткѣ, упрашивала сдѣлать поклонъ богородицѣ.

— Истинно говорю вамъ, братцы, ни въ чемъ я не виновать; видать то проволоку видаль, но всячески т. е. ее обходилъ. Не встать мнѣ съ эвтаго мѣста!—закричалъ какъ бы выведенный изъ терпѣнія Микитка.

— Что ты будешь съ нимъ дѣлать!—зашумѣли духоворы; но богородица просила оставить Микитку въ покоѣ, объясняя тѣмъ, что онъ теперь взволнованъ, но когда успокоится, то самъ пойметъ въ чемъ дѣло.

Затѣмъ, когда все утихло, Лукерья сочла нужнымъ объяснить значеніе проволоки слѣдующимъ образомъ:

— Скажу я вамъ: проволока знаменуетъ вторую гоммору; ею связанъ, какъ есть, весь бѣлый свѣтъ кругомъ, вдоль и поперекъ; она то и есть дьявольская паутина, которой должно объявиться въ предпоследнія времена. Въ нынѣшнее время для насъ видно три гомморы, а всѣхъ гомморъ шесть,—вотъ и разсчитывайте, много ли намъ осталось времени, чтобы свидаться съ Петромъ Иларіоновичемъ, царство ему небесное!

— Да по этому, Лушечка, не вѣсть какъ далеко,—того гляди,

что вскорѣ явится четвертая и перехитритъ всѣ первыя, заговорили духоборы, тяжело вздохнувъ.

— Нонѣ проволока говорить, а настанетъ время, когда камень и дерево будутъ говорить.

— Ну, теперъ и разсуждай, откуда все берется, заговорилъ Алексѣй. Это дѣло ничье, какъ духовъ нечистыхъ; имъ и въ камень очутиться и въ деревѣ—мудрости не составляетъ и всегда окаянный изберетъ этакое мѣсто, гдѣ другому и въ башку не придетъ. Ну на что—сказать—сдалась ему эвта проволока, одно слово—желѣзная проволока? Такъ пооди же,—разговоръ нуженъ окаянному и значить изъ людей же набралъ помощниковъ и заправляеть ими, какъ есть въ отдѣлку; тѣ только и знаютъ, что лепортуютъ ему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и чѣмъ тошнѣе ему будетъ приходиться, тѣмъ всячески больше будетъ стараться захватывать въ свое воинство и распускать паутину; не хватить проволоки, другой изобрѣтаетъ сигналъ: камни и дерево въ ходъ пустить и сбудутся тогда слова матери милосердія, что камень и дерево будутъ разговоръ вести; таперича только одинъ гулъ слышенъ, а тогда будетъ слышанъ гласъ, да только не всякъ его пойметъ; одно слово—на языкѣ смѣшанномъ, отъ котораго стѣны будутъ дрожать и земля колебаться.

— Господи милосердный!—вскрикнула баба. Какія страсти, не дай Богъ эвтаго дожидаться! Лучше-бъ теперъ земля приняла, не видать бы того дерева, не видать бы того камня, не слышать бы того гласа!..

— И въ правду!—заговорили духоборки. Не доводи ты насъ, Господи, до эвтакой гомморы. Ну какая, значить, жизнь тогда настанетъ? Таперича только что подумаешь и то страхъ беретъ, а коли настанетъ то времячко?.. О Господи, Господи! Именно лучше бы теперъ земля приняла, лучше бы таперича идти на погубленіе, не слышать бы намъ того гласа.

— Ну, ужъ и плакаться начали,—вскрикнулъ Игнатъ, ужъ разрюмились, сказано—бабы! Еще Богъ вѣсть, когда сей гласъ услышимъ, можетъ и дѣтямъ нашимъ не доведется, а оуѣ разревѣлись, словно завтра ожидаютъ!

— Ты, Игнатъ, помни мое слово,—первый дождешься!—сказала богородица.

— Не боюсь я того гласа,—нешто противъ окаяннаго дѣлствій нѣтъ? Да што за гласъ эвтакій, отъ котораго земля будетъ колыхаться? И выдумаютъ себѣ, въ первый разъ я слышу, право! Земля и теперъ колышется, ну такъ себѣ, полегоньку, встрях-

пять разъ, другой, и тѣмъ дѣло кончится, а гласа то того не слышать!

— Вишь, онъ теперь захотѣлъ услышать! Еще не времячко, а вотъ какъ сбудется четвертая гомора, тогда повѣришь пречистымъ устамъ. Куда и храбрость то дѣнется!..

— Не отъ тебя слышать этакую храбрость,—сказалъ Василій; ты одно слово—трусъ, а что пуще всего, книжки тебя сбиваютъ. Рано, братъ любезный, начинаешь командывать. Поди какой! — взялъ, значить, извѣстіе въ руки и кричитъ: слушайте-жь,—словно очутился въ какомъ сонмищѣ.

— Въ правду сказать!—говорили духоборы. Игнатъ таки много заносится въ своихъ глаголахъ и какъ будто идетъ насу-противъ изреченіямъ матери милосердія.

— Истинно насупротивъ изреченіямъ!—громко произнесъ Микитка.

— Вотъ тебѣ и на!—закричалъ Игнатъ. Ишь куды дѣло пошло, эка ошетинились, прости меня грѣшнаго, и слова не дадутъ сказать! Это нападки, какъ есть нападки, не успѣетъ одинъ окончить, другой лезетъ; не успѣетъ другой, третій и наконецъ того всѣ, какъ есть всѣ. На што Микитка, и онъ туды же! Смотри, што-бъ я тебя не переименовалъ!—ты и въ правду взялъ, что отнынѣ ты блаженъ.

— Ты много не гуторь,—закричалъ Алексѣй. Значить—блаженъ!

— Что ты вонѣ расходился?—возвысивши, голосъ сказала Лукерья. Ты слова Божьяго не разумѣешь, не труба моя къ тебѣ гласила, ты не внимаешь слову моему, аки аспидъ глухъ; изыди прочь отъ глазъ моихъ! Игнатъ, выходя изъ за стола слишкомъ разстроеннымъ, отвѣчалъ:

— Изыду отъ сѣней смертныхъ; вотъ гдѣ настоящее сонмище, а не то, о которомъ, значить, разсуждаютъ; вотъ гдѣ четвертая гоммора! Ну, а ты Микитка, помни, я тебя переименую. Будешь ты блаженъ,—ублажу я тебя такъ, что опять на колѣняхъ будешь ползать, да не выпросишься!

— Что онъ тутотка еще гуторить,—зашумѣли бабы, вишь какъ расходился безбожникъ этакій,—безчинства заводить.

— Никакой великатности, значить, нѣтъ!—послышался голосъ Палаши.

— Убирайся, когда сказано!—зашумѣли духоборы.

— Изыди прочь!—закричала богородица. Что вы тамъ—никакъ заснули? Тотчасъ взошли въ комнату два молодца и взяли Игната подъ руки.

— Да оставьте меня!—говорилъ Игнатъ молодцамъ. Я и безъ вашей то помощи выйду, кажись, не пьянъ и на ногахъ то стою и безчестія, значить, никому не показалъ.

— Какъ ты разсуждаешь! Будто эвто отъ насъ зависптъ, мн, значить, исполняемъ, что намъ приказываютъ.

— Сказано—глупые! Прости меня грѣшнаго. Знай, собирали бы себѣ приношенія! Небось карманы понабили!

Игнатъ, выйдя на дворъ, прямо направился въ село; къ нему присоединилось два товарища и Тимофей.

Въ то время, какъ Игната подъ руки выводили молодцы, у Лукерьи навернулись слезы и она платкомъ вытирала себѣ глаза...

— Утѣшься, Лушечка!—заговорили сидящіе. Стоитъ ли о томъ плакаться,—онъ одно слово ничего не стоитъ, заблудшая овца!

— Чудно вы разсуждаете,—обратился Алексѣй къ духовобрамъ. Развѣ она объ этомъ дѣлѣ плачется, — она плачется за грѣхи наши, что мы забываемъ Бога и не внимаемъ словесамъ ея; для нее хошь Игнатъ, хошь къ примѣру Микитка.

— Что тебѣ сдася Микитка?

— Цыцъ,—зашумѣли духоворы, опять начинается, сиди себѣ!

— Аль другой,—продолжалъ Алексѣй,—все единственно словесныя овцы, обо всѣхъ слѣдуетъ имѣть попеченіе.

— Одно слово—обо всѣхъ!—раздались голоса.

— Вотъ теперь, какъ хотите судите! Конецъ моей пѣсни, да набранные прійдутъ и поклонятся матери милосердія.

По окончаніи произнесенныхъ Алексѣемъ словъ, онъ подошелъ къ богородицѣ, поблагодарилъ за хлѣбъ-соль и поклонился въ ноги, а его примѣру послѣдовали остальные, и во время этой церемоніи, затѣянной Алексѣемъ, Агафья запѣла псаломъ: „жили мы были на сырой землѣ“, всѣ поочередно присоединились къ ней и общій хоръ псалмопѣвцевъ не оставлялъ пѣнія до тѣхъ поръ, пока утомленная помпками богородица не вышла изъ поминальни и не сѣла въ бричку.

Изъ кладбища празднованіе поминокъ перенеслось въ село, въ домъ Лукерьи. Недопитая водка и вино вмѣстѣ съ закусками были уложены въ фургонъ и всѣ духоворы двинулись обратно въ Горѣлое, продолжая дорогою пѣть псалмы, а богородица, напутствуемая громогласными восклицаніями народа: „Спаси тебя, Господи, за хлѣбъ-соль и помяни кротость праведнаго Давида“, уѣхала вмѣстѣ съ Алексѣемъ впередъ, распорядиться принятіемъ гостей. Генераль-маіоръ М. Каменевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).